Иван Гранитски
(Болгария)

Иван Гранитски – нередкий гость Казахстана. Свои глубинные корни из Булгара, то есть с примесью тюрков, он помнит. Являясь жителем Балкан, с молоком матери впитал соседнюю античную культуру. Георгий Пряхин написал о нем: «Да, собственно, «многородинность» от древней Эллады до кровных Балкан и дальше – до «русскости», которая тоже покамест еще жива в тех болгарах, что способны на благодарность памяти, – прослеживается в поэтическом творчестве Ивана с пастырским именем Гранитски».

Он работал в газетах, журналах, на телевидении... С конца 90-х – директор издательства «Захарий Стоянов». Он участвует в «Гумилевских чтениях», дружен с университетом им. Н. Гумилева. Автор более двадцати книг поэзии и прозы.

В стихах на первое место ставит интонацию, которая, по его мнению, выразительнее и эмоциональнее знаков препинания, когда «в речи остались одни междометья...»

МИЛЛЕНИУМ СОШЕЛ С АНТЕННОЙ КРЫШИ...

МИФОЛОГИЯ

По слухам аргонавты впали в грех
отчаянья
Язон утратил веру
руно вообще бывает или нет
Орфей забвеньем предал Эвридику
с эринниями завязал интрижку
Горгона раскололась как орех
и облысела и мила как агнец…
Теперь Геракла назовем к примеру
измят от прежних сил пропал и след
Он ползает как раб на поле диком
уныло пересказывает книжку
с картинкой Льва убитого и Гидры
Вот это времена
Спаси Господь
Чего ни хватишься того и нету
нет Минотавра рыщешь днем с огнем
Тезея Ариадны Одиссея
Аяксы черт возьми докучный сон
По слухам врут что Пифия вещала
и то не в рифму слабая силлаба
гекзаметра давно в помине нет
Но легионы всяких древних чудищ
вообще забыли миф о человеке
Чуть шелестит какой-то шепот-ропот
Зачем и поминать мамлюков ада
что строят новый мировой порядок
где электронно-интернетных блудищ
не разобрать по косточкам вовеки
где робот раб работодатель робот

Осталась не могучая но кучка
восторженных мистерией поэтов
которым никакой закон не писан
Дельфийский вишь ты им сказал оракул
диктуют им Гомер Пиндар Сафо

Но люди почему-то вот не верят
не то чтобы не верят но не слышат
Их фейерверки развлекут
в какой-то мере
миллениум сошел с антенной крыши
и маленьким комариком гудит
а мировая скука не вредит

Вот жвачные двуногие резину
жуют и тянут серый век убого
в башке пустоты ни царя ни Бога

СОВЫ

На краю беззвездной бездны странно
смотрят совы
пучат очи желтоглазо
грозно и бесслезно
Поспешил закат исчезнуть двери
на засовы
апельсином сгинул в горле
у зимы морозной
Час их пробил и не виден плащ
зари вечерней
Все нахохленные перья трепет
нетерпенья
Кровли бытия заселят
под ночною чернью
в ожиданье дивных зрелищ
и страстей кипенья

Из цилиндра Арлекина пламя вылетает
Это Ящер-Саламандра серый
и свинцовый
из Небытия выходит там он обитает
где кипит вулканный кратер
грозно-образцовый

Поступь зверя не пугает
это финт коронный
Участь сов смотреть и видеть
прославлять бессонно
Выход из утробы Мрака сил
потусторонних
здесь овациями крыльев ободрен
бесовно

Космос молнии швыряет
разгулявшись люто
Первозданная Идея нас воспламеняет
Вертят круглой головою стражи
Абсолюта
но исподтишка за нами зорко
наблюдают

ЛЕТО

Последней каплей пота над губой
сражен народ и прячется гурьбой
в тени как в духовом шкафу прохлада
но можно жить еще и черта ль надо

Пастух лугов забросил посох свой
скот сам собой ленив идти домой
нашлась бы лужа грязи вот оазис
О грязи грезит августовский аист

Не тикает и время на часах
волы мечтают о прохладных снах
такая литургия в храме пекла
Жнецы окаменевшие столпы
к призывам поля глухи и слепы
прозреть бы да сознание поблекло

Хохочет солнце Жарит парит лето
Запомни этот день Познанья Света

ПОСЛЕДНИЙ ЗА СТОЛОМ

В пустынях разума витает скорбный дух
Прелюдия в безлюдии храбра
и Откровенье Иоанна легкий пух
в сравненье с извлечением ребра
Пугающих не счесть метаморфоз
и человек подошвы прах
и солнца пыль
и мыслящий тростник с шипами роз
ответ совы вопросом на вопрос
несовершенная мистическая быль

Последний в шесть бокалов разольет
на случай припасенное вино
и пятеро замедлят свой полет
в просторах Вечности
чтоб выпить заодно
с оставшимся алхимиком в ночи
что тени призывает слезы льет
прощается пред пламенем свечи
до скорой встречи Звездные лучи
пяти светил он видит сквозь окно
и пьет последним терпкое вино

Он узнает значенье Пустоты
и расстоянье до бесслезной суши
тщету посюсторонней суеты
забыли очарованные души
И все-таки они его маяк
Последний спасшийся
из кораблекрушенцев
плывет во времени которое как мрак
бездонно и безбрежно Только сердце
еще сулит застолий встреч и благ

ЗНАК

Я кто
Неуловимый ветерок
блужданье первородного протона
застой неспешной ночи превозмог
и с профилем прозрения Платона
открытьем безначально-бесконечным
на свете быть вскормленный
вспышкой млечной

Я то что есть Начало всех Начал
и обречен на самообновленье
во глубине небытия скучал
в превратных о грядущем
представленьях
Но к бальзамированию готовый
вдыхал я пряность лавочки портовой

Я променял родное «Я» на «МЫ»
как навигатор расчертивший воды
я жаждал дня и общей кутерьмы
с попутным ветром
светом и свободой

Приснится ли мне ласка и уют
потом в другом нетленном облаченье
пока эпохи мимо пробегут
оставив иероглиф предпочтенья
чтоб всем постигшим
Божью Благодать
гадать и думать
думать и гадать

ЛИТОГРАФИЯ

Борославу Стоеву

Скинулись клоуны на твой наряд
шляпа измята как тазик идальго
но дульсинеи готовы стоят
под сарабанду плясать моментально

Это испанки
и больше никто
в красных паневах
цветных сарафанах
Это хасид в длиннополом пальто
Это индусы застыли в нирванах

Грифы в графите с грифонами крыш
все акварели от дня сотворенья
Ты в пелерине в середке стоишь
верный коверный в трудах и бореньях

Ты бессловесный играешь на всем
на барабане гитаре валторне
Мы вдохновившись тебе нанесем
чудищ волшебных
вселенной просторной

Фокус покажешь бесплатно за так
прямо из шляпы отпустишь на небо
птиц желто-красных зеленых собак
осликов синих с повозками хлеба

Красно-оранжево-желто-зеленый
и фиолетово-облачный дым
даришь в бродяжничество
влюбленным
вечным труверам всегда молодым
вечным кочевникам нищим
скитальцам
странникам летчикам и морякам…
Мячики кубики карты сквозь пальцы
льются на холст но летят к облакам

Сплин отгоняешь проворною плетью
фантасмагория из рукава
в речи остались одни междометья
и без нужды упразднились слова

То-то мой клоун на что-то похожий
прежде всего на холсты и листы
Боже
Ну точно ты вылитый Боже
в полдень седмицы с протяжной версты

ДУША

Памяти моего отца Йордана

Оглянусь Никого
А стоял за спиной
И опять за спиной
Оглянусь снова то же
Кто-то близкий невидимый
видимо свой
Это ты мой отец не случайный
прохожий

Дух твой птица на небе меня осенив
дуновеньем крыла ты не сон
предрассветный
милый жаворонок всех
распаханных нив
отлетел в горизонт для живых
беспросветный

Дивный азимут к солнцу
Обитель твою
полусфера накрыла
но есть среди поля
незначительный взгорбок
на самом краю
примиренья
любви
отпущенья
и боли

СТРАСТЬ

Я пропал я затерялся
в бездне глаз твоих фиалок
и наверное навеки
в полыхании озона
в ароматах пряных трав
Я узнал не обознался
утро неги небывалой
Пусть твои прикрыты веки
сторожу твой сон бессонно
бурю тишиной поправ

Буйное ошеломленье
Кем-то пойманный врасплох
невпопад молюсь не в срок
О остановись Мгновенье

Но Мгновение уходит
за тобою по траве
слишком рано предрассветно
где по щиколотку росы
в нераскрытых лепестках
Мир бездвижен быть негоден
В сумасшедшей голове
нечто зреет подзапретно
это жалобы и слезы
от улыбки на губах

Но не внемлет возраженьям
гибель от изнеможенья

НИВА

Красноногие аисты пашни ткачи
ткут болгарский ковер на размеренном
поле
Залюбуешься пестрым отрезом парчи
и пропустишь свой день суеты
поневоле

Лето входит в зенит раскалилась земля
реже-реже считают дни-годы кукушки
Войско аистов утром выходит в поля
и снуют взад-вперед
красноклювы-коклюшки

Вот метафора жизни трудов и борьбы
прибивают гвоздями Самарское знамя
Триколор для болгарина
окрик судьбы
Богоматерь и крест
в поднебесье над нами

Аист
гений народа для скорбных побед
Аист
жизни грядущей святой новобранец
потому и одет в бело-яростный цвет
потому и оправленный в траур
на память

Преклоненно-смиренные птицы
на вид
будто слушают проповедь
о воскрешенье…
Но один точно ангел-архангел трубит
Тянет к небу свою белоснежную шею

БУЙВОЛЫ

В темном провале кончался закат
Буйволы шли прямиком в горлобездну
бабой слезливою в сонме утрат
солнце вопило я скоро исчезну

В шляпе пастух шел уверенно бодр
робко акация к суше прижалась
еле виднеется рай или одр
света последняя пясть разбежалась

Дегтя черней одомашненный зверь
каплей последней пропал
в темной бездне
и привидением шляпы облезлой
кончился вечер вселенских потерь

ПРОЛЕТАЯ НАД СТРАНДЖЕЙ И РОДОПАМИ

Рассветным полетом над Странджей
все жаворонки соловьи
прадедовы вторя виражи
возносят молитвы свои

В гармонии с музыкой сферы
любая травинка родник
Мистериями Орфея
владеет болотный кулик
В Галактике без огражденья
все камни и звезд наважденье
и лютика ласковый вздох
единоутробны в рожденье
и неистребимы как Бог

СКВОРЕЦ НАД РОЖЕНСКИМ МОНАСТЫРЕМ

Свет
В оконной амбразуре море охры
и лазури
В омут радуги нырнуть и назад
не повернуть
Там скворец расправил крылья
обнял света изобилье

Исстари монастыри входы
радугой слагали
Дуб и бук идут в детали
солнца свет на фонари

Скачет зайчик солнца блик
Он и мальчик и старик
Он и мельник и вода
вертит жернова всегда
Сам с толпою прихожан
удивляться прибежал

Аркою сквозной порозной в жаркий
день или в морозный
вспыхнут памяти врата
Все другое суета

РЕКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

У каждой реки есть свое назначенье
Есть слезы Велеки улыбка Кончии
Искыра изгибы воронки в теченье
но Арда срывается в гнев без причины

Болгарские реки сосуды отчизны
Найдутся истоки задумчивой Месты
в Марице проглянет безмолвная тризна
Дунай не затянет ли в омут безвестный

Хрустальные воды их кровь родовая
и знает ответ вертоградарь Тибет
к нему уплывает Душа Мировая
Туда же навеки текут наши реки

БАЛКАНСКОЕ УТРО

Ночь Тромбоны в футлярах
Никто не сорвался с цепи
день впустить ненаглядный и старый но будто бы новый
Есть минута-другая ну третью еще потерпи
и увидишь как падает занавес темно-лиловый

Только-только полоска прорежет таинственный мрак
и процедит просеет лучи еще робкого солнца
расшевелит тюльпаны съедобный обрадует злак
постучится в чердачное первое с краю оконце

Как попало от сна пробуждаются земли Балкан
Ударяют все птицы все разом во все тулумбасы
с рыбкой в клюве ревет литургию свою пеликан
и журав пред журавой выделывает реверансы

Перевод ***Татьяны Фроловской***